

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

КРЕСТНЫЙ ХОД

РАССКАЗ

I

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...

— Боже, душе святой! Помилуй меня, грешницу старую, и внука моего Гришу. Даруй исцеление ему, Господи! Вразуми, очисти душу его от всякой скверны. Дружков отвори от него, будь они прокляты... Прости, Господи, владеть собой не могу, нету сил... Не могу смотреть на них, окаянных: кружат вокруг, как вороны... Прости, Господи! Вразуми их, несчастных! Погибают... Дьяволу отдались в руки. Верни их мудростию своею. Заблудились, не ведают, что творят. Образами, Господи! — Екатерина Романовна неистово крестилась, стоя на коленях, и после каждого креста с трудом прилипала лбом к холодному полу, поднимала заплаканное лицо к образам, крестилась и снова падала ниц.

Огонек в лампадке подмигивал после очередного поклона, затем снова замирал, вытягивая тонкую копчёную ниточку вверх в темноту. Тяжелые

МИХАЙЛОВСКИЙ Валерий Леонидович родился 13 июня 1953 года на Украине, в Винницкой области, в семье учителя. Автор шести книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат премии губернатора ХМАО по литературе за 2006 год. Работает врачом психотерапевтом в г. Нижневартовске.

шторы не пропускали света с улицы. Свет всё же полосой проникал в затемнённую комнату через приоткрытую дверь.

— Боже! На тебя надеюсь, на силу и благость твою... На всё воля твоя... — старушка замолчала на минуту, вытерла платочком непрерывно ка- тившиеся слёзы и долгим тягучим взглядом уставилась в отворённую дверь.

В другой комнате на диване лежал, откинув свисающую почти до пола руку, довольно молодой человек, бритый наголо. Почти детское лицо его выражало не то страдание, не то испуг. По тому, как глаза под синеватыми полупрозрачными веками беспорядочно бегали, можно было догадаться, что его доносили тревожные сны-видения. Рукав лёгкой рубашки закатился высоко, оголив тонкую костлявую руку подростка, испещрённую синяками, рубцами и свежими тёмными точками.

Екатерине Романовне в просвет была видна только рука, свисающая безвольной плетью. В дневном свете отсюда из темноты рука казалась восковой и безжизненной. Только мелкие подёргивания пальцев напоминали о теплейшей жизни в этом слабом теле.

Сердце Екатерины Романовны предательски шевельнулось раз, другой, замерло, потом заторопилось, снова холодная пауза... К горлу подступил комок. Слабость потянула книзу плечи, голову. Она, не вставая с колен, собрав остатки сил, дотянулась до комода, взяла дежурный пузырёк с корвалолом, накапала почти полную чайную ложечку, выпила, перекрестилась тяжёлой, непослушной рукой:

— Боже, душе святой! Помоги пережить... Без меня совсем пропадёт, — она снова повернула голову к светлой полосе на полу. — Не дай погибнуть единственному внуку. Освободи его душу от скверны. Дай ему силы совладать с напастью... А если нет возможности вернуть мне Гришеньку... — она горько зарыдала. — Сил нет моих больше терпеть... Прими меня, рабу твою, грешницу старую, дай умереть без мук и с покаянием! Прости, Господи! — подняв глаза к святому лику, она прошептала: — Дай мне силы завтра... Дай силы дойти до Чудотворного Креста, — трижды перекрестившись с поклонами до самого пола, тяжело поднялась, придерживаясь за угол комода.

Екатерина Романовна, стараясь не шуметь, тихо прикрыла дверь в свою комнату, достала ключ из отвисшего кармана.

— От родного внука закрываю... Прости Господи, — прошептала она и прошла к выходу, стараясь не смотреть на него. Наружную дверь закрывала на два замка.

До вечерней службы время ещё было, и она, свернув с главной аллеи, ведущей к церкви, направилась к Кресту, что установлен на дальней полянке в честь того, калиновского. Она любила там сидеть в тени. На одной из скамеек, затененной кустами уже давно отцветшей сирени, сидел пожилой мужчина в светлом старомодном костюме. Его шляпа лежала рядом, и он то и дело вытирал лысую голову платочком, не отрываясь от книги. Екатерина Романовна знала его. Профессор Бауман (имя, отчество она запомнила) преподавал когда-то у сына в институте. Сколько лет уже прошло... Иван её даже знакомил с ним. Он тогда сидел на этой же скамейке.

— Здравствуйте, дай вам Бог здоровья! — окрепшим голосом сказала старушка.

— Здравствуйте! Присаживайтесь, — профессор взял шляпу, освобождая место, хотя скамейка была не занятой.

— Вы меня, конечно, не знаете...

— Отчего же, помилуйте, Екатерина Романовна. Очень даже хорошо знаю. И Ивана Степановича, сына Вашего... покойного... — тут профессор за- пнулся, — помню. От Бога хирург... был. Я ведь тоже его рук не миновал... Золотые руки... Царство ему небесное. Помню я Вашего сына, помню. Он ведь учился у меня. Молось за душу его светлую... И Марию Денисовну, невестку вашу, тоже знаю... знал и помню. Они в одном отделении работали. Молось...

— Спасибо... А я ведь, извините, запомнила, как зовут-то вас и по батюшке.

— Евгений Михайлович, — отрекомендовался профессор и сделал попытку привстать, но подал только своё массивное туловище вперёд.

— Слышали, Евгений Михайлович — завтра Крестный ход в Калиновку ко Святому Кресту...

— Как же! Только и разговору последнее время. И на службе батюшка в проповеди касался предстоящего Крестного хода. Сегодня на вечерней огласят порядок... К сожалению, мне уже сие мероприятие не под силу. Суставы, знаете ли... Возраст... Восемьдесят два... Да-с, — на старинный манер закончил профессор.

— А я, даст Бог здоровья, пойду. Я ведь из Калиновки родом. Помню, мне моя мама про тот Крест рассказывала... Со всех сторон народ собирался каждое лето в июле, в годовщину, значит. У нас многие странники оставались. Восемьдесят лет прошло, как грех тот сотворился. Одна старушка, однако, осталась... свидетельница. Слепая совсем...

— Не могли бы вы мне рассказать? — Евгений Михайлович сел полуоборотом, приготовившись слушать.

Он знал эту историю, слышал о ней неоднократно. О том, как с фронтов первой мировой войны возвращались солдаты на конных повозках. Один солдат, бравирюя своей меткой стрельбой, поспорил, что попадёт из трехлинейки в крест, стоящий на перекрестке впереди. Его отговаривали, но он, нахлебавшийся уже революционных и атеистических речей, всё же выстрелил. Попал. Доказал свои снайперские способности. Подъехав поближе, солдаты увидели, что из отверстия, проделанного пулей, сочится кровь. Солдат, стрелявший минуту назад, тут же ослеп. Так гласила легенда...

— Приезжали врачи, учёные, брали на анализ. Признали, что это настоящая кровь. Кровь, говорят, сочилась постоянно. Людей прибывало много посмотреть чудо Господне... С других стран, однако, приезжали... А вы что об этом думаете, Евгений Михайлович?

— Видите ли, Екатерина Романовна, я учёный... Верующий учёный. Я уверен только в одном: наука ещё многого просто не может знать. Мне не хотелось бы объяснять чудеса, сотворённые Божьим промыслом. Мир кончится, если всё будет объяснимо. Жизнь потеряет смысл, — профессор задумался. — А какая судьба того солдата, и что случилось с Крестом? — спросил он после паузы.

— Солдат потом покаялся, окрестился: он, говорят, даже не знал, крещён ли; прозрел и всю жизнь просил прощения у Господа в монастыре. Вот только не знаю, в каком. Крест же большевики потом убрали. Сначала никак не могли вытащить его: копают, копают, а конца все нет. Наутро приходят, а земля снова на месте, словно и не трогал её никто. Снова копают, копают, а утром та же картина. Зарядили тогда взрывчатку и подорвали. На месте креста воронка образовалась, и стала это воронка заполняться кровью. Сколько её ни засыпали, а кровь просачивается. Теперь на том месте церковь построили, внутри Крест большой стоит, сквозь стеклянные стены его с улицы видать. Кровь проступать перестала. Со всех концов народ едет... Там, в Калиновке, похоронены Иван с Марией... — перескочила уже на своё Екатерина Романовна. — Пойду завтра, даст Бог силы... Может, Гришеньке вымолю спасение... Такая беда с ним приключилась... Такая беда... Не приведи Господи! — Екатерина Романовна перекрестилась, глаза её увлажнились, и она достала ещё не высохший платочек.

— Может, моя помощь пригодится... Я ведь знаю вашу проблему. В одну церковь ходим: здесь все друг о друге знают. Я готов помочь...

— Спасибо, Евгений Михайлович, но мы уже всё испробовали. Ванины друзья помогали — всё бесполезно. Теперь только на Божью волю полагаюсь. Крестным ходом пойду... Молиться буду...

II

Паломники начали прибывать уже с рассветом. Небольшая площадь перед церковью как-то тихо и незаметно заполнялась людьми. Шла служба, и дверь в церковь была открыта. Люди входили, выходили молча, собирались в группы, боясь потеряться в многочисленном потоке. Наблюдалось то тихое броже-

ние, какое бывает при большом скоплении народа. Завидев друг друга издали, знакомые подходили, молча обнимались, шептались, озираясь по сторонам, словно боялись кого-то потревожить. Иногородних священников, вышедших из двух автобусов, толпа пропускала молча, неслышно расступаясь в почтительном поклоне. Молодежь, удивляясь всему, округляла глаза, старушки крестились, старики почтительно, придерживая бороды, склоняли седые головы.

— Братья и сестры! — обратился к паломникам молодой священник. — Крестный ход начнется ровно в десять. Впереди, во главе пойдут представители духовенства, монахи. Просим не толпиться, соблюдать порядок, — говорил он хорошо поставленным голосом. — В пути предусмотрены две остановки для отдыха. Нас будут сопровождать две машины “скорой помощи”. Да благословит Вас Бог! С Богом, братья и сестры!

Екатерина Романовна давно не чувствовала такого подъёма. Она забыла о своих немочах-недугах. Через два ряда сбоку, сгорбившись чуть не до самой земли и опираясь о посох, шла старушка. Она постоянно что-то шептала, упоминая одно и то же имя. Потом уже узнала Екатерина Романовна, что просила эта согбенная старушка у Бога здоровья своему умирающему мужу Глебу. Народу шло много и справа и слева; вперёд колонна растянулась далеко и сзади конца и краю не видно. Слух прошёл, что около десяти тысяч. Сердце Екатерины Романовны работало безотказно, никаких сбоев. Сладостная благодать заполняла душу.

— Боже, душе святой, помоги моему Грише, вразуми его, дай силы ему, направь его на путь истинный! Очисти душу его от скверны, отвори чёрных воронов... Прости меня, Господи! Может, недосмотрела где, может, виновата в чем! — она и не замечала, что уже вышли из города, что уже идут нескончаемым полем. — Боже, душе святой, дай силы...

Не было конца людскому потоку.

Не было конца её мучительным думам...

Молитва её тоже не имела конца.

— Скорый в заступлении един сын, Христе, скорое свыше покажи посещение страждущему рабу твоему Григорию, и избави его от недуг и горьких болезней...

Она беспрерывно повторяла одно и то же, вилетая в молитву воспоминания о погибших детях, просила у них прощения. Винила себя, что помогла им купить тот злополучный “Запорожец”, которому Иван так радовался. Теперь он мог чаще приезжать к ней из областного города. Винила себя, что в тот раз позвала Ивана с Марией в гости: яблочки уродились. Хотелось угостить. Да и сами они с Марией каждую возможность использовали, летели, как на крыльях... Гриша-то, сыночек их ненаглядный, тогда по всему лету у неё гостил. Какое время было!

— Что ж ты, Ваня, с дежурства, не спавши — в дорогу? По сыночку соскучился... Две ночи не спал. Выходные зарабатывал... Подменял... Господи, прости его невинную душу. Сам жизни лишился и Марию с собой... Уснул за рулём...

Екатерина Романовна обращалась то к сыну, то к невестке, то к внучку своему — Гришеньке. Просила прозреть, пожалеть её и себя непутёвого...

Первый привал застал её внезапно, прервав череду тяжёлых воспоминаний. Люди заполнили дубраву, что тянулась справа сплошным массивом. Плотная тень дохнула свежестью, запахом тронутой, примятой травы. Екатерине Романовне захотелось сесть на прохладную травку, прилечь. Нет, не от усталости. Усталости не ощущалось. Бывало, поднимаясь на свой третий этаж, она останавливалась на каждой площадке, переводя дух, прислушивалась к шальному сердечному ритму. А тут, пройдя половину пути, она и не вспомнила о своём корвалоле. Она остановилась, прислонившись спиной к прохладному стволу столетнего дуба, ощутив шершавую кору; правой рукой тремя пальцами, как делают врачи, нащупала пульс на левом предплечье. Тук-тук-тук... Ни одного сбоя... Слава тебе, Господи...

— Вам плохо? — спросила её долговязая девушка, одетая в ярко-жёлтую футболку и в короткой юбке. Екатерина Романовна глянула на стройную девушку. Почему-то именно эта девушка запомнилась ей ещё там,

у церкви. Ей еще сделала замечание пожилая монашка, указывая на не подходящую случаю одежду.

— Нет, доченька, всё хорошо... спасибо. Я сама себе удивляюсь: прошла двенадцать километров, и нет никакой усталости. Я же сердечница... Три года на одних таблетках да на каплях, — Екатерина Романовна, как бы в доказательство, достала из кармана пузырёк с лекарством, — Бог милостив — помогает...

Ей вдруг захотелось этой случайно встреченной девчужке с добрыми пронизательными глазами открыть душу, поведать о своём Гришеньке, её ровеснике. Её душа наполнилась исповедальным ожиданием, разбухла этим томительным чувством, и оно рвалось наружу. Только не каждому доверишься. А этим глазам ей почему-то хотелось верить.

— Женщина, пойдёмте к нам: отдохнёте, пообедаем, — прервал сладостно-щемящий поток мыслей Екатерины Романовны властный голос, — мы ещё не начинали... Пойдемте, — уже в другой тональности, мягко повторил голос. С удивлением Екатерина Романовна узнала ту монашку, отчитывавшую девушку. — Ксюша, пригласи бабушку, — обратилась монашка к девушке.

— Пойдёмте к нам... — Ксюша притронулась к её локтю, сделала паузу.

— Меня, Ксюша, зовут Екатериной Романовной. Я ведь сама родом из Калиновки, — почему-то поспешила она сообщить девушке.

— ...Помолимся, дети мои, перед обедом, поблагодарим Бога за то, что дал нам пищу, за благость и за щедрость его, — сказала монашка.

В семье, а Екатерина Романовна не сомневалась в том, что это была одна семья, что расположилась на большой поляне, все с почтением слушали старую монашку, оказавшуюся бабушкой Ксюши. Девушка села рядом с Екатериной Романовной, по другую руку полулежал на траве мужчина средних лет. “Отец Ксюши”, — безошибочно определила она. Такие же пронизательные и внимательные глаза. Она вдруг почувствовала себя в обществе давно знакомых людей. Маленькая девочка лет десяти — Машенька, называла её бабушкой. Молодые священники, оказавшиеся монашке племянником и зятем, обращались к ней почтительно — “Екатерина Романовна”. Ксюша оказалась студенткой мединститута, по стопам, как говорят, отца пошла. Мама Машеньки — сестра темноволосого отца Павла. По другую сторону стола тётя Ксюши, а те две женщины просто знакомые. Ксюша коротенько поведала о каждом, и теперь Екатерина Романовна знала всех...

— Отец Григорий, — обратилась к русоволосому батюшке мама непоседливой Машеньки, — подайте Екатерине Романовне картошку.

При упоминании имени священника сердце скакнуло. Екатерина Романовна приняла картошку из рук отца Григория, посмотрела в его голубые, чистые глаза. Она знала, что всем священникам, идущим Крестным ходом, дано право исповедовать желающих по окончании шествия. Она будет исповедоваться именно этому молодому с ещё неокрепшей бородкой священнику. Только ему она хотела покаяться, только ему, отцу Григорию, она откроется. Он выслушает, он поймёт...

III

...”Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй...” — беспрерывно повторяла сторбленная старушка, идущая справа. Как-то само собой люди выстроились в том же порядке, как и до привала. Екатерина Романовна невольно искала в плотном людском потоке Ксюшу, и в её груди теплоло, когда желтое пятнышко её футболки мелькало где-то далеко впереди. Солнечные лучи, просеянные сквозь повисшее марево полупрозрачной дымки, не докучали путникам. День выдался не такой жаркий, как вчера. И в этом многие видели промысел Божий.

На втором привале, длившемся значительно дольше, Екатерина Романовна легко нашла своих новых знакомых. Монашка Макария, бабушка Ксюши, оказалась её ровесницей и тоже сердечницей, и это их сблизило.

Макария, оказывается, с молодых лет страдает сердечной недостаточностью, ей врачи отпускали не так много на этом свете, но родила она троих сыновей, и вот после смерти мужа, поступив в монастырь, она каждый день молится...

— Бог меня пока милует. Врачи говорят — это чудо, что я живу до сих пор. Но я ещё, слава Богу, и Крестным ходом иду... И в монастыре я до сих пор работаю... Слава тебе Господи, — она приподнялась, перекрестилась.

— А я ещё вчера не уверена была, смогу ли пойти. Такие перебои меня мучили... Аритмия...

Так они долго сидели в тени огромного дуба рядом, как сживают подружки, не видевшиеся вечно, и говорили, говорили, сравнивая свои такие похожие и такие разные судьбы...

— Не знаю, могу ли я просить вас, сестра Макария... — остановилась в нерешительности Екатерина Романовна, — помолиться за здоровье Гришеньки моего и за упокой родителей моих и детей... — она прослезилась.

— Напишите... Помолюсь...

Нашли ручку, листочки из записной книжки Ксюши. Екатерина Романовна под словами “за упокой” упомянула мужа своего Степана, родителей — Романа и Серафиму да детей своих Ивана с Марией; в листочек “за здравие” — Григория, внука своего.

— Себя запишите. Мне чтобы не забыть... А так записка есть, я и помнить буду. За вас помолюсь тоже.

И тут Екатерина Романовна растерялась. Ее руки вдруг заплясали мелкой дрожью, мысли разбежались, как призраки в тумане, ручка ткнулась в листок с одним именем — “за здравие”, потом в другой, где вписаны пятеро, — “за упокой”.

— Вот сюда, — указала монашка пальцем под “Григорием”. — Исповедайтесь сегодня, сестра моя, — сказала строго она, — и не гневите Бога. Только во власти Всевышнего знать, когда он нас, рабов своих, призовет к себе... Ой, не гневите Бога... — монашка спрятала записки во внутренний карман. Она словно прочитала потаенные мысли Екатерины Романовны, словно слышала она молитву вчерашнюю, молитву-надрыв, молитву-отчаяние.

— Я собираюсь до исповеди. У отца Григория исповедаюсь, — Екатерина Романовна поцеловала руку монашке.

— А Гришу своего к нам привезите в монастырь, можете на время даже оставить у нас. Даст Бог — образумится. Бог и не таким помогал...

IV

На подходе к Калиновке, уже в наступающих сумерках, паломники зажгли розданные на последнем привале свечи. Песнопения с новой силой мощной волной прокатились от начала колонны до последних рядов. Екатерина Романовна никогда не видела более величавого и грандиозного зрелища: огромная яркая лента уплывала вниз к знакомому ей последнему спуску. Тысячи хаотично шевелящихся огоньков сливались в нескончаемую реку, живую, текущую туда вперед, в темноту, в невидимую бездну. Огненная река бурлила, шумела, набирая силу, брызгала в темень тысячами искр, сливалась там сзади на высоком холме с проявившимися уже звёздами, уходила дальше в Млечный путь.

Ноги несли легко, дышалось вольно. Почему-то Екатерине Романовне показалось, что она маленькая девочка, и они с мамой возвращаются домой из той страшной тюрьмы в областном центре. Им не позволили передать отцу хлеб, баранки, махорку и теплые носки, свернутые в тугой узелок. “Враг народа” не нуждается в сочувствии, не достоин тёплого взгляда дочери, нежного слова любимой жены... Она несёт узелок, крепко зажав его в своих детских ручонках. Руки жжёт, пальцы немеют, темно... Вдруг они заметили издали вдалеке огоньки... парами. Они передвигаются, бегут вдоль дороги. Мама крепко сжимает её руку, тянет за собой, молча, боясь нарушить тишину... Они бегут изо всех сил, горящие огнём подошвы инстинктивно дер-

жат твердую дорогу. Спотыкаясь, разбивают колени в кровь, поднимаются и снова бегут, не чувствуя боли. Бегут, бегут в темноту. За горкой начинается деревня — спасение. А огоньки зловеще мигают в темноте...

В кузнице на краю деревни работали всю ночь: жатва. Металлический спасительный лязг бился о тёмные небесные своды громко и звонко. Огонь, раздуваемый мехами, полыхал ярким заревом. Это и спасло их от настигавших волков.

* * *

...Попасть внутрь церкви не было никакой возможности. Шла всеночная, и голос из громкоговорителей разлетался по огромной площади, слышимый каждому. Старушки шептались, приятно удивляясь, что ни один человек не воспользовался услугами “скорой помощи”. Екатерина Романовна растерянно искала отца Григория, боясь, что не встретит его в толпе среди ночи. Площадь, заполненная многоликой толпой, освещалась светом, исходящим от ярко пламенеющей церкви тысячами огней, сливающихся в единый поток света. Свет рассеивался, равномерно одаривая каждого частичкой своей благодати. Огромный Крест величаво возвышался под куполом хрустального дворца, раздвигая его прозрачные стены.

— Отец Григорий! — Екатерина Романовна громко крикнула в отчаянии, боясь, что он затеряется в толпе. — Отец Григорий!

Молодой священник остановился, повернул голову.

— Я ищу вас, — она с трудом пробралась к нему. — Я хотела вас просить исповедовать меня, — сказала тихо Екатерина Романовна.

* * *

Ноги тяжело поднимали отяжелевшее тело, преодолевая ступеньку за ступенькой. Руки тянули перила на себя, словно канат с непосильным грузом. Екатерина Романовна боялась остановиться. Силы окончательно покидали её, но она, упираясь левой рукой в непослушное колено, а правой держась за перила, тянулась вверх. Дверь подалась, зловеще скрипнув. Ключ не понадобился. Сердце зашлось. На негнущихся ногах Екатерина Романовна проковыляла в свою комнату. Она тоже оказалась незапертой.

Старуха рухнула рядом с выдвинутыми чужой рукой ящиками старого комода на колени:

— Господи! — шептали губы, — прости его! Сам не ведает, что творит. Прости его, Господи! — Екатерина Романовна сделала паузу, собираясь с последними силами.

Слабеющая рука крестила посеревшее лицо. Глаза уже не открывались, подбородок достал левую холодеющую руку, сжимавшую разогнавшееся в последнем рывке сердце.

— Господи, прими мою душу...

* * *

Как и просила Екатерина Романовна, похоронили её рядом с Иваном и Марией. Место, где в ограде стояла деревянная скамейка, сама же для себя и оставила. Народу собралось не много. Из родных, кроме единственного внука, никого не осталось. Его долговязая фигура выделялась, возвышаясь над сгорбленными старушками. Никто не голосил, не валился без чувств. Старые подруги Екатерины Романовны лили тихие женские слёзы, крестясь и косо поглядывая на Григория. Он тупо смотрел на восковое лицо своей бабушки, такое родное и такое теперь далёкое. В этот жаркий июльский день он был одет в рубашку с длинными рукавами. Он обливался потом, смешивающимся со слезами, то и дело почёсывая то одной, то другой рукой сгибы

локтей. Три дня он не выходил из квартиры, три дня не отзывался он на звонки своих горе-друзей, не открывал им дверь. Сейчас Григорий удивлялся, что ломки не ощущалось, мыслил он совершенно ясно. Только теперь он понял, что остался во всём свете совершенно один.

Он медленно поднял опухшие глаза. Вдалеке, сверкая золотом, виднелся купол церкви. Ему вдруг вспомнилась та история с Крестом, простреленным молодым бойцом, рассказанная когда-то в детстве бабушкой. ...Вот он едет на скрипучей телеге. Солнце своими беспощадными лучами прожигает лёгкую гимнастёрку, жаром до головокружения обдаёт голову. Вот он поднимает тяжёлую винтовку, она непослушно тянет вниз... Ловит на шатающуюся мушку Крест... Палец на спусковом курке не слушается... Он не может выстрелить, не хватает сил дёрнуть курок...

Пот заливает глаза, он склонил низко голову, разжал кулак и ещё раз прочитал адрес монастыря, записанный бабушкиной рукой на листочке из Ксюшиного блокнота; поднял голову к далёким куполам и перекрестился медленно, с чувством, как учила его в детстве бабушка.

ШАЛЬНАЯ ВОЙНА

РАССКАЗ

I

Ещё вчера по улицам носились горячие песчаные вихри. За окном серо-жёлтая мгла закрывала небо и всё вокруг; даже мечети — самого высокого здания в городе, не стало видно. Но сегодня всё переменялось: над жёлтой от нанесённого песка улицей синее-синее небо без единой тучки. Ахмет, потягиваясь после сладкого сна, подошёл к окну. Сегодня выходной, в школу спешить не нужно. Он пялился в окно, прижимаясь носом к холодному стеклу. Ему хотелось увидеть всю улицу в одну сторону, потом в другую, отчего его нос, приплюснутый стеклом, выгибался то влево, то вправо. Из-за мечети уже появилось яркое солнце, и улица разделилась на две неровные части по всей её длине: на узкую светлую — под самым домом Ахмета, и противоположную — затемнённую. Убаюкивающее завывание песчаной бури сменилось тишиной уже после полуночи, и сегодня Ахмет проснулся раньше обычного. Проснулся от тишины.

— Стихло, слава Аллаху, — сказала мама Ахмета. Она подошла к сыну, глянула на улицу сквозь стекло, протерла пробившийся сквозь щели песок на подоконнике, открыла створки окна настежь. Какой-то непривычный гул привлёк слух Фатимы. Она высунулась в окно и увидела в конце улицы, за поселком пыльную тучу. — Тагир! — крикнула она, повернувшись в комнату. — Посмотри: там какая-то туча.

В комнату вошёл одетый в домашнюю пижаму отец Ахмета. Он сначала прислушался, остановившись посередине комнаты, потом осторожным движением подвинул жену, выглянул на улицу.

— Большая колонна машин, — сказал глухо Тагир. — Американцы, наверное, — продолжил спокойно.

И как бы в подтверждение его слов затрещали далёкие короткие строчки автоматов, прогремело два выстрела орудий. Потом ещё автоматные оче-

реди, снова гром орудий, но уже ближе. Небольшой посёлок не долго сопротивлялся, и колонна из десятка танков и нескольких пехотных машин, практически не останавливаясь, вошла в селение, поднимая клубы принесённой недавним суховеем песка и пыли.

— Отойдите от окна, — по-военному скомандовал отец Ахмета.

Он взял за плечи свою жену и сына и отвёл в глубь комнаты.

Уже больше двух недель заокеанские поборники демократических перемен со скошенными до боли глазами на подземные нефтяные моря Ирака штурмуют города и селения, продвигаясь в глубь страны. Отец Ахмета ничуть не удивился такому повороту событий. Не удивился он и тому, что не последовало сопротивления американским войскам. Из городка регулярные войска Саддама ушли накануне, уверяя население, что готовится специальная операция по нанесению урона оккупантам в другом месте, а здесь принимать бой — только силы распылять. Баррикады на въезде в городок строили местные ополченцы, но их смяли быстро, на ходу. Часть же защитников города просто побросали оружие и разбежались, не выдержав огневого напора наступающих войск, часть погибли на месте. Расстрелянные в упор танковыми орудиями, ополченцы даже опомниться не успели. Силы были явно не равны.

— К окну не подходи, Ахмет, — отец закрыл створки.

— Почему?

— Там стреляют, — Тагир рукой показал в окно, — шальная пуля может залететь.

— Шальная пуля, — передразнил отца Ахмет и засмеялся.

Уже совсем близко затараторили очередями автоматы. Ухнуло орудие так, что окна задребезжали, дом вздрогнул. Ахмет закрыл глаза, испуганно съёжился. “Шальная пуля”, — промелькнуло в голове. Он испугался. В его тихом городке ещё так никогда не грохотало. Отец обнял его:

— Бояться не нужно, главное — к окнам не подходить, — ещё раз повторил отец. — Играй в этом углу. И да хранит тебя Аллах.

Тагир вышел в другую комнату, набрал номер телефона. На работе не отвечали. Телефон директора школы тоже молчал. Экран включённого телевизора рябило. Радио, заглушаемое оккупационной коалицией, визжало и хрипело на разные лады.

— Я в школу, — сказал Тагир жене, обняв её за плечи, — да хранит нас Аллах.

В подвале школы, где Тагир работал учителем, уже давно хранилось оружие на случай предстоящей войны. Ещё один схрон устроили на пустыре за спортивной площадкой, где под большими каменными глыбами зияли пустоты. Вход замаскировали, “посадив” сухой куст. Большинство учителей, как и он, решили не воевать. “Ради чего воевать? — думал он. — Саддам трусил, спрятался. Болтает он мастер, а как прижали, так в кусты”. Так думали многие. Тагир накинул легкую куртку.

— Будь осторожным, — тихо сказала Фатима.

— Меня не тронут — я в гражданской одежде.

Тагир вышел во двор, обогнул дом. Школа дымила разбитыми окнами, сквозь чёрные клубы дыма прорывалось пламя. На площади перед школой толпились люди, истошно кричала какая-то женщина. Тагир увидел, как развернулась башня танка, наведя ствол в сторону разрушенной наполовину школы. Ухнуло орудие, стена обрушилась, и с новой силой вздыбилось пламя над пыльными клубами, разбежавшимися в разные стороны. Смолкли автоматные очереди из школьных окон. На время установилась тишина, как показалось Тагиру — зловещая. Сердце защемило. Он видел, как американские танки, разворачиваясь на месте, смяли клумбы, снесли спортивный турник, уничтожили тяжёлыми гусеницами изгородь из декоративного кустарника. Дети сами сажали кусты, ухаживали, поливали. Был там и кустик Ахмета. Как раз именно тот куст попал под железо. Тагира передёрнуло, словно от тяжкого предчувствия.

Пыль немного рассеялась, к Тагиру подбежали трое американских солдат. Один с размаху ударил прикладом в плечо, другой резко развернул, дёр-

нув куртку сильной рукой, бросил его к стене лицом. Грубо обшаривая одежду, солдаты больно тыкали прикладом или стволом автомата где-то между рёбер, что-то кричали прямо в ухо. Тагир не сопротивлялся. Да и как может сопротивляться безоружный человек трем вооружённым до зубов, обученным солдатам? Горькая обида и стыд, беззащитность и щемящее бессилие перед грубой наглостью и беспардонностью солдат, пришедших на его землю, якобы для его же свободы, не давали возможности сосредоточиться. “Не увидели бы ученики”, — промелькнуло в голове, он оглянулся и тут же получил удар прикладом в лицо от темнокожего янки. Солдаты, перекинувшись репликами и обыскав, оставили Тагира, стоящего лицом к стене, а сами побежали в сторону идущего одинокого старика. Та же унижительная процедура. Тагир сделал шаг в сторону старика, но его остановил солдат, нацелив автоматный ствол. Сердце бешено колотилось, в висках зашумело до боли, и он сделал ещё шаг. Ствол автомата в руках солдата опустился, вздрогнул, и рядом под ногами вздыбилась сухая земля, порхнув пылью. Тагир замер и только теперь понял всю опасность своего положения. Вспомнил о сыне, о жене. Солдат что-то кричал, помахивая автоматом, давая понять, что ему лучше удалиться. А те двое обыскивали старика, тыкая его стволом автомата. Тагир видел, как изгибался тот от боли. Старик повернулся и крикнул:

— Уходи, Тагир, не связывайся...

И тут же голову старика встряхнул удар. Он присел на колени, затем встал, отвернувшись к стене. Такого унижения он ещё не испытывал.

— Не прикасайтесь к старику, нечестивые! Аллах покарает вас! — крикнул Тагир. И снова под ногами взвизгнули пули.

Он шёл домой, низко уронив голову. Тяжёлые думы возвращали его к стоящему лицом к стене, уважаемому Мухамеду, известному в посёлке аксакалу, служащему в мечети сторожем и садовником уже много лет. Говорят, и отец его и дед ухаживали за зелёными газонами. Все деревья вдоль каменной изгороди посажены его руками, руками его отца и деда. Многих путников спасала от иссушающей жары тень выращенных деревьев. Два сына этого святого человека погибли в бессмысленную войну с соседним Ираном. Однако старый Мухамед в каждой молитве просил у Всевышнего здоровья и благополучия Садаму и неистово молился за спасение душ убиенных сыновей своих.

Тагир поравнялся с мечетью, нырнув в спасительную тень, снова вспомнил старика, стиснув от бессилия кулаки.

Свернув на свою улицу, Тагир ещё издали увидел на площади, где-то напротив своего дома, два остановившихся танка и бронемашину. Несколько солдат, останавливая одиноких прохожих, быстро их обыскивали, и те уходили, понурив головы. Здесь на площади, где народу сновало побольше, откровенной грубости солдаты себе не позволяли. Тагир перешёл на противоположную сторону улицы, где ещё сохранялась укоротившаяся тень. Окончательно испортившееся настроение нагоняли унылые воспоминания о недавней службе в армии.

Где она, эта “народная” и “непобедимая” армия?

Где те танки и самолёты, которыми так гордился “мудрый” и “великий” Садам?

Конечно, ему никогда не забыть тех марш-бросков под палящим солнцем, того тычка в зубы, той наглой улыбки офицера, так внешне похожего на Садама. Садамовские усы носили в то время все офицеры от самого низшего чина до генералов. Так было модно. В моду вошли и садамовские потешки, когда за малейшую провинность солдат заставляли до потери сознания ползать по горячему песку, не давая пить, или не позволяли спать провинившемуся. И когда тот начинал валиться от усталости, получал палкой по пяткам или по пальцам. И он терпел, как и многие, те лишения и оскорбления. Но от своего офицера. Но как же больно терпеть унижения от оккупанта, цинично заявлявшего ещё вчера, что он освободит его родину от кровавого тирана. А звал ли я вас наводить порядок в моём доме? И почему вы думаете, что ваша рука на моём горле приятней?

Тагир замедлил шаг. Он и не заметил, как вышел на площадь. Что-то заставило его оглянуться. На другой стороне площади американский солдат,

закованный в броню, стоя на бронемашине, прицеливался из винтовки в сторону его дома. Он боковым зрением заметил, как в окне что-то заблестело.

— Не стрелять! — крикнул он, срывая голос, — Не стрелять!

Тагир побежал в сторону солдата, отчаянно махая руками, затем развернулся в сторону открытого окна. Его Ахметка стоял у окна и каким-то блестящим предметом отражал солнечные зайчики.

— Уйди от окна! — кричал уже в падении Тагир.

Как нестати загнулся он за вывороченный булыжник.

Он не услышал выстрела.

Он не почувствовал боли от удара о камень.

Он ничего не успел увидеть.

Отдалённые голоса вернули его в действительность.

Но вот голоса стали отчётливей, и он увидел свою жену с распущенными волосами и с сыном на руках. Пошатываясь и не понимая произошедшего, он бросился навстречу, снова упал. Кровь липкой струйкой противно текла по лицу, закрывая глаза. Подоспели несколько человек. Кто-то помог Тагиру удержаться на ногах. Он подбежал к жене и взял на руки обмякшего Ахмета.

— Папа, мне больно, шальная пуля... — шептал он.

— Потерпи, сынок, сейчас отправим тебя в госпиталь к дяде Амиру. Он спасёт тебя, — Тагир склонился над сыном, поцеловал его. Кровь с его виска капала на волосы сына, стекала струйкой по подбородку и смешивалась с сыновьей кровью где-то у правого плеча мальчика.

— Машина нужна! Саид, заводи свою! — крикнул сосед Тагира, услышавший его слова.

Народ заволновался, заголосила Фатима и бросилась через площадь к бронемашинам. Солдаты соскочили с машин и выстроились стеной.

— Вот этот рыжий стрелял, я видел, — кричал мужчина в белой футболке.

Фатима бросилась на него, замахнувшись своим маленьким женским кулачком. Рыжий трусливо съежился, приподняв плечи и прикрывшись рукой. Рядом стоявший товарищ выскочил навстречу женщине и ударом приклада уложил её на мостовую.

— Don't come up! Не подходить! — крикнул он в толпу.

Толпа остановилась, замерла. Солдаты оцетинились автоматами.

— Back forward! Назад! — закричал опешивший рыжий и с перепугу дал автоматную очередь под ноги остановившейся толпе. Несколько человек упали, подкошенные рикошетами. Солдаты, пользуясь замешательством, четко, по команде забрались в стоявшие за их спинами боевые машины. Взревели мощные двигатели, и колонна, поднимая пыль, тронулась с места. “Победители” растворились в пыли. “Побеждённые” остались на площади маленького городка.

В микроавтобус сначала усадили Фатиму, на руки ей уложили слабеего Ахмета. Всё происходило словно во сне. Голоса мальчик слышал плохо, будто издалека. Временами вокруг всё затихало, потом снова появлялись голоса, шум двигателя. Очнулся снова Ахмет уже от покачивания машины. Рядом в микроавтобусе находилось ещё несколько окровавленных человек. Кровь, кровь, кровь...

— Папа, — прошептал Ахмет.

— Папа остался там, дома, — все не могут поместиться в машине, — шептала Фатима. — Он будет молиться. Аллах поможет. Аллах любит детей.

— Я не хотел... Я не послушал тебя... Нельзя подходить к окну... шальная пуля... — бредил мальчик.

II

Тагир пытался связаться с Амиром, но напрасно: связи с госпиталем, что находился в соседнем городе, не было. Не смог он связаться и вечером. Через созданные оккупантами блокпосты днём проскочить невозможно, ночью машины из городка тоже не выпускали: комендантский час. Неизвестность

не давала сомкнуть глаза. Ночь показалась долгой и бесконечной. Казалось, утро так и не наступит. Тагир ходил из угла в угол, через каждые несколько минут подходил к тому окну, вглядываясь в темноту. Электричество к вечеру почилило, но он не включал свет и мерил в темноте километры своего бесцельного пути.

На следующий день прорваться в госпиталь тоже не удалось. Прошел слух, что на блокпосту произошло какое-то чрезвычайное происшествие, и дорога заблокирована. Пытавшихся проехать в обход по пескам американцы без предупреждения расстреливали из орудий.

Жить в неведении свыше всяких сил. Мольбы и молитвы, обращённые к Аллаху, больше не унимали душевную боль.

— Пешком пойду, — сказал Тагир своему соседу. — Не могу больше терпеть. Я должен знать, что с моим сыном.

— Это самоубийство. Ты потерял много крови, ты можешь нарваться на засаду, на патруль. Пощадь от этих “освободителей” не жди. Сам знаешь.

— Пойду. На всё воля Аллаха.

— Ты не спал сутки...

— Я когда-то служил в армии Саддама. Я ещё не такое переносил. Там и по трое суток спать не давали.

Солнце клонилось к закату, теряя свою яркость, и последние лучи его, скользя по пескам, уже не жгли, а нежно касались всего в округе, отбрасывая длинные тени. Тагир сначала направился на пустырь, что за школой, где под сухим, посаженным для маскировки кустом было спрятано оружие. “Зачем мне оружие? Я ведь не воевать иду”. Он понимал, что, взяв оружие, он может ввязаться в бой, а это неизбежный конец. Умирать ему нельзя. Он нужен своему сыну, своей Фатиме живым. Они нуждаются в его помощи.

Уже в сумерках силуэт мужчины с перевязанной головой направился на север. Он шел по низине, пригибаясь, прячась за одинокие камни. Услышав шум моторов, Тагир прижался к земле, но поздно: его заметили.

— Стой! Кто идёт? — на английском крикнули в сумерках.

Тагир не отвечал. Он знал, что осторожные и трусливые американцы побоятся его преследовать, тем более в наступающей темноте, но свинцовым огоньком угостят с удовольствием. Он скатился по осыпающемуся песку и залёг в углубление под большим камнем. Глубоко под камень уходила суживающаяся щель. В таких местах водятся змеи, и вспомнив армейскую науку, он снял ботинок с ноги, надел его на руку. Просунув защищенную руку в углубление, с шумом поскреб по нависающему камню. Так проделал ещё и ещё. И не зря: из-под камня выползла огромная гюрза и, изгибаясь, уползла восвояси. Он отвоевал себе небольшое пространство в этом бесконечном мире.

Застрочили автоматы, песок вокруг вздыбился пылью, взвизгнули пули. “Пульк не жалеют. Щедрые”, — подумал Тагир. Ухнуло орудие. Большой обломок камня рухнул сверху, завалив выход из его убежища. Тагир успел убрать ноги, свернувшись клубком. Ещё несколько раз выстрелили из орудия или гранатомета. Пули визжали вокруг, густо фаршируя песок свинцом. Быстро стемнело, и стрельба прекратилась. Мощные фонари резали темноту, но лучи скользили поверху. Низина лучами не просвечивалась.

Тагир с трудом отодвинул свалившийся камень, бесшумно выскользнул из своего укрытия, какое-то время прополз по ещё тёплому песку, затем поднялся и пошёл, сгибаясь скорее по привычке, чем по необходимости.

Он сначала шёл, пробуксовывая в песке, спотыкаясь о камни, затем повернул влево в надежде выйти на дорогу. До самого города ему не встретилась ни одна машина: комендантский час соблюдался неукоснительно.

В том месте, где дорога делала крутые повороты, обходя небольшие каменные возвышенности, он в лунном свете увидел двух мужчин. Они что-то делали у обочины, разговаривая полушёпотом на родном языке. Прятаться было поздно, да и почему он должен избегать встречи со своими? Будь что будет. И он подошёл почти вплотную.

— Кто идёт? — спросили его. Автоматы, ещё секунду назад торчащие за их спинами, щелкнули затворами.

— Я иду в город. Туда увезли моего раненого сына. Наш посёлок оцеплен, никого не выпускают.

Автоматы опустили стволы в землю.

— Не один ты такой. У него, — повёл головой в сторону седобородого молодой человек, одетый в спортивный костюм, — вся семья погибла.

Немного помолчали. Тот, что постарше, внимательно разглядывал Тагира, его пыльную рубашку, повязку с присохшей кровью на голове, брюки, ещё не потерявшие некогда наглаженную стрелку, лёгкие летние туфли.

— Кем работаешь? — спросил сипло.

— Учителем. Меня Тагиром зовут.

— Закури, учитель, — с почтением сказал молодой, протягивая сигарету.

— Я не курю, спасибо.

Новые знакомые Тагира прикурили, прикрывая огонёк ладонями, как поступают, укрывая огонь от ветра. Курили, пряча сигареты в полусжатом кулаке, оглядываясь время от времени по сторонам.

— Я в мечеть ходил, — после паузы продолжил старший. — Домой возвращаюсь: дома нет. Зачем разрушать дом, где оставались одни женщины? Теперь у меня нет ни жены, ни дочери, ни моей сестры. Почему должны погибать женщины и дети? Ради чего? Я не хочу менять жизнь своих родных на какую-то свободу. А будет ли она, эта свобода? — хриплым голосом поведал о своём горе седобородый, тот, что стоял сбоку.

— Посмотри на него: он посидел за одну ночь.

— Мне когда-то отец говорил: бойся, Хасан, дураков и трусов. Один не ведает, что делает по глупости, другими не разум руководит, а страх. Они снесли мой дом потому, что он стоит на перекрёстке и “может угрожать безопасности”, — забыв об осторожности, Хасан, жестикулируя руками, заговорил громко. — Они поступили, как трусы... Женщин испугались...

Тагиру вспомнился тот рыжий янки, вжавший трусливо голову от взмаха женской руки.

Все трое, словно по команде, завертели головами, всматриваясь в темноту.

— Я пойду, — тихо сказал Тагир.

— Иди. Никому ни слова о нас, — прохрипел Хасан.

— Понятно.

Только теперь у обочины, прямо под ногами, Тагир увидел вырытые ямы и всё понял: минируют дорогу. Ночь помогала им.

Луна давала только то количество света, которое необходимо, чтобы не сбиться в пути. Дорога очерчивалась тенью от сваленных камней по обочинам, изгибалась змеей, уходила в посеребренную даль, сливаясь там впереди с бесконечной ночью. Холодно мигали застывшие в тишине звезды, нагоняла грусть и ноющая душевную боль. Тагир оглянулся, словно запоминал приметы этого места среди пустыни, поднял руку, прощаясь с ночными собеседниками. Лицо Хасана, обрамлённое серебром, терялось в темноте. Чуть сеутулившись, опираясь автоматом на придорожный булыжник, он ещё долго стоял неподвижно. Тагир ещё там, на площади, понял, что свобода, пришедшая из-за океана, несёт на своих полосато-звёздных плечах страдания и лишения для многих. “У меня ещё есть надежда...” — подумал он, вспоминая слова седого Хасана.

— Надумаешь к нам — мы в тех скалах, — уже вдогонку тихо сказал молодой и махнул рукой назад. — Американцы боятся таких мест. Только днём нас не найдёшь.

— Да, я знаю, как найти, эти места мне знакомы, — Тагир шагнул в темноту.

— Да поможет тебе Аллах.

Хасан молчал, поглощённый своим горем, своими тяжёлыми думами.

Уже за полночь Тагир подобрался к городу. Он осторожно прижимался к стенам крайних домов, находя в их тени защиту. Город он знал как свои пять пальцев, и даже отсутствие света не было ему помехой. Тёмные улицы непривычно пустынные. Только на въезде, на перекрёстке, ярко горели походные фонари и фары боевых машин. Шагающие солдаты то возникали

чёрными истуканами, то так же внезапно проваливались в темноту. “Наверное, блокпост”, — Тагир свернул в знакомый тёмный проулок. Его никто не заметил. Многоэтажные безглазые дома, заслонявшие луну, добавляли прохладной ночи темноты и мрачности. Ни одно окно не озарилось светом, казалось, что город умер.

Постучав в знакомую дверь, Тагир осмотрелся по сторонам. Подождал. За дверью спросили:

— Кто?

— Это я — Тагир, открой, брат, — он удивился своему глухому голосу. Его знобило не то от ночного холода, не то от непомерной усталости и напряжения. Дверь тут же отворилась. Амир стоял с керосиновой лампой в руке.

— Что случилось? О, Аллах! Ты ранен. Заходи, брат, заходи, — Амир взял его за руку, завёл в квартиру и продолжил: — У нас сегодня выключили свет. Ты как оказался здесь в такой час? — и, не дождавшись ответа, продолжал: — А где Фатима, Ахмет?

Вопрос брата острым ножом резанул сознание Тагира. В горле пересохло.

— Я позавчера отправил их к тебе в госпиталь, — прошептал Тагир. Он понял, что произошло что-то непоправимое. — Значит, ты их не видел?

Глубоко за сердцем противный холодок сбил дыхание и пополз к горлу. В голове образовалась серая пустота, мысли остановились. Недоброе предчувствие холодной змеей заползло в самую душу.

— Нет, — донеслось до его помутневшего сознания глухой и жестокий звук. Голос брата показался чужим.

— Может, они поступили не в твою смену? — Тагира не покидала последняя надежда.

— Этого не могло случиться. Я сейчас не выхожу из госпиталя. Вот только домой пришёл. Сейчас столько раненых... Работаем круглосуточно. Что случилось с ними? Да рассказывай же! — Амир смотрел на побледневшее лицо брата.

В блёклом свете керосиновой лампы его восковое лицо казалось неживым. Только запёкшаяся, просочившаяся сквозь повязку кровь и побуревшие кровавые подтёки коричнево-грязно распятали его лик. Глубоко запавшие глаза уставились вдаль сквозь стены в крошечную темень, не замечая ни брата, ни этого мигающего огонька, ни этих монстров — теней, качающихся на стенах.

— Позавчера Ахметку ранил американец. Я отправил его с Фатимой на машине Саида к тебе в госпиталь. Там было ещё несколько раненых, — Тагир сделал паузу: воспоминания разбредили рану, голос задрожал. — Они могли попасть в другую больницу? — цеплялся за последнюю соломинку раздавленный горем Тагир.

— Всё может быть. Сейчас все больницы принимают раненых. Но ночью нам их не найти. Вымойся, переоденься и ложись отдохнуть. И мне нужно немного поспать. Я ведь двое суток за операционным столом... А завтра с помощью Аллаха искать будем, — Амир протянул руку за снятой рубашкой.

— Только пусть Айгуль не стирает: там кровь Ахметки.

— Я скажу. Мою оденешь.

— Аллах накажет этих американцев за всё горе, что мы терпим, — сказала тихо Айгуль.

Никто и не заметил её, тихо вытиравшую в темноте слёзы.

III

Ничего не снилось Тагиру. Он провалился в бездну, он забылся тем глубоким сном, который бывает только у смертельно уставшего и смертельно оскорблённого человека. Такой сон спасителен и очищающ, он заканчивается быстро и удесятерляет силы. И только смертельно раненные уже не могут проснуться и возносятся ко Всевышнему праведниками ли, мучениками тихо, не имея сил прервать этот очищающий сон.

— Вставай, брат. Отдохнул хоть немного?

— Слава Аллаху! — он не встал — вскочил с кровати. — Поехали, Амир, искать Фатиму и Ахметку.

— Одевайся, — протянул свою одежду Амир. — Сначала позавтракаем и поедем: я уже машину из гаража пригнал.

Тагир молча ел ту еду, что подала Айгуль, но если бы кто-то спросил, что подавалось на завтрак, то он бы ни за что не вспомнил. Он односложно отвечал на вопросы, но не смог бы вспомнить, о чём шла речь.

Тагир всю дорогу сидел, понутив голову, и молчал, иногда покачивая головой в знак согласия на предложения брата:

— Сначала заедем ко мне в госпиталь. Во-первых, ещё раз просмотрим все списки поступивших за последние сутки. Необходимо убедиться, что у нас их нет, а во-вторых, мне нужно предупредить начальство. Потом начнём с дальней больницы в пригороде и пойдём к центру.

Тагир кивнул головой.

— Если и там не найдём... Придётся справиться, ты уж извини, брат... в морге.

Амир, понимая, что всё могло случиться, решил уже сейчас психологически подготовить брата, хотя у самого при слове "морг" голос дрогнул. К удивлению Амира, Тагир кивнул головой в знак согласия, не проявив никаких эмоций.

В приёмном отделении среди тридцати двух раненых, поступивших за последние двое суток, ни Фатимы, ни Ахмета не числилось. Не поступали в госпиталь и другие раненые из его селения.

— Если хочешь, можешь пройти со мной в отделение. Я хоть на ходу, мельком должен осмотреть своих тяжёлых больных.

Тагир снова покорно кивнул, послушно пошёл за братом. Запах — вот что поразило его больше всего. Запах болезни и смерти. Этот спрессованный зловонный дух заполнял всё пространство, и было очевидно, что, впитавшись в одежду, будет ещё долго преследовать любого рискнувшего появиться здесь.

На ходу молодая медсестра как-то обыденно успела доложить Амиру, что два человека умерли ночью. Голос её плавал в гулком, переполненном ранеными коридоре. Столько боли и горя так близко Тагир ещё не видел. И те двое стариков, потащивших укутанное в грязное тряпье тело, и этот мужчина с трубками, торчащими из живота, и ребёнок с широко открытыми глазами, заполненными слезами боли, — всё это навалилось на него тяжёлым грузом.

— А тот безнадежный, раненный в грудь, попросил кушать и пожаловался, что постель жёсткая, — долетело до Тагира.

— Значит, будет жить, — сказал Амир, — и он ещё будет спать на мягких перинах.

То, что увидел Тагир в палате, произвело на него странное впечатление: он долго ещё не мог поверить, что всё это существует на самом деле, что он не спит, что он видит своими глазами эту огромную палату, переполненную горем и страданиями. Будто попал он в другой мир, мир кошмаров и страшных видений. Стонали стены, потолок, стонал пол и всё, что нагромоздилось в этом зловонном пространстве большого зала. Койки почти соприкасались. Проходы между ними были настолько узкие, что едва позволяли протиснуться врачам или медсестре. Сказать, что палата была переполненная, значит сказать только полправды. Одна койка пустовала, ещё на одной — лежал человек, накрытый с головой белым когда-то покрывалом, с побуревшими следами крови и ещё какими-то разноцветными пятнами. "Двое умерли ночью!" — вспомнились слова медсестры. Комок сдавил горло, сладковато-приторный зловонный запах не давал дышать, в глазах поплыло, койки завертелись вокруг.

Очнулся Тагир уже во врачебном кабинете. Он лежал на ободранном диванчике, не понимая, как попал сюда. Рядом сидела та медсестра в белом халате. Тагир сначала увидел её большие грустные глаза. Её губы шевелились, но слов он не слышал. Она встала, и подвинутый ею стул скрипнул. Кабинет наполнился звуками.

— Где я? — услышал он свой слабый голос.

— В ординаторской. Так я сделаю вам чай? — вопросительно посмотрела она. И Тагиру показалось, что она уже задавала ему этот вопрос.

— Да, пожалуйста, если вам не трудно.

Горячий чай окончательно вернул его к действительности. От запаха, хоть не такого резкого, как там, в палатах, снова подступила дурнота, и Тагир повернул голову влево, вправо. Дверь была закрыта. В кабинете, кроме диванчика, на котором он лежал, стояли два стареньких письменных стола, на стенах висели какие-то плакаты.

— Ваш брат на операции. Поступил тяжелораненый. Он просил подождать, — угадала она беспокойство Тагира.

— Вы извините меня. Нервы... — Тагир потрогал повязку, наложенную братом ночью.

— Я всё знаю, мне рассказал ваш брат. Я пока перевяжу вас. Лежите, лежите.

Её руки быстро управлялись с привычной работой. Тагир отметил, как ловко, не причиняя боли, она, подхватывая то пинцет, то ножницы, обрабатывала рану, промокала тампоном просочившуюся сукровицу. Бинт в её руках разматывался легко и ложился виток за витком.

— Всё, отдохните. Доктор скоро освободится, — медсестра поправила повязку. Что-то родное почудилось в этих женских руках, Тагир пристально посмотрел ей в глаза. И глаза...

— Спасибо. Как вас зовут? У вас такие нежные руки, как... — он зашнулся.

— Гюльшат, — женщина опустила ресницы.

— Меня зовут Тагиром. Я ищу свою жену и сына. Они уехали в ваш госпиталь... Мой Ахметка ранен.

— Я знаю... Доктор рассказал мне... Сейчас так много людей теряется. Но вы своих обязательно найдёте. Аллах поможет вам. Моего мужа схватили американцы, увезли куда-то. Не нужно было ему сопротивляться. Говорят, в тюрьму посадят, в ту, куда раньше при Саддаме уже попал. Три года тогда отсидел за свой язык, — Гюльшат взяла марлевую салфетку, промокнула заблестевшие слёзы.

Потом Гюльшат ушла. Какое-то время в ординаторской он оставался один. Тагир, лёжа, рассматривал развешанные медицинские плакаты. Зазвонил телефон. Спрашивали хирурга.

— Он на операции, — ответил Тагир.

— Значит, операция ещё не закончилась?

— Нет, позвоните, пожалуйста, позже.

Голос женщины на том конце провода дрожал от волнения.

— Да, я позвоню потом. Дай силы ему, Аллах!

Кому просила дать силы женщина? Хирургу? Раненому? “Дай им силы, Аллах... и удачи”, — подумал Тагир.

Когда тоненькая ниточка удерживает жизнь, когда жизнь борется со смертью, только удача, только помощь Всевышнего может благополучно решить этот спор.

Как много, а иногда как мало требуется для спасения жизни. Тагир мерила шагами врачебный кабинет. Конечно же, его Ахмет и Фатима попали в другую больницу, Ахметке сделали операцию, и он теперь ждёт своего отца. Он обязательно сегодня найдёт своего сына. Вот только освободится Амир, и они объедут все больницы, они найдут. Тагир остановился возле стола. Рядом с телефоном лежал список всех больниц города с телефонами. Он даже взял трубку и начал набирать номер... “Нет, по телефону могут дать не ту информацию, они могут что-то перепутать, могут не понять меня... Нужно ехать...”

За спиной хлопнула дверь. На пороге стоял Амир. На осунувшемся лице глубже обозначились морщины, глаза провалились.

— Умер, — тихо сказал он. — Мы ничего не смогли сделать: всё в руках Аллаха.

У Тагира оборвалось внутри. Даже руки задрожали. Недобрый знак.

Амир тяжело сел, облокотившись на стол, обнял голову, застыв на какое-то время.

— Поехали, — он пружинисто встал и стал снимать халат.

— Звонили, — еле выдавил Тагир.

Брат не ответил.

* * *

В детскую больницу Ахмет с Фатимой не поступали, не нашли их и в других больницах.

Переживший все потрясения последних двух суток, Тагир уже без боязненного трепета перешагнул порог морга. Он не замечал запаха смерти, отнявшего, казалось, весь кислород без остатка в этом сыром полуподвальном помещении с заплесневелыми стенами. С указанием мельчайших подробностей он отвечал на вопросы человека в глянцево-фартуке с красными, воспалёнными от недосыпания и едкого смрада глазами. Большие несурзные очки не могли спрятать той тихой печали, которая легко угадывалась при первом же взгляде.

После короткой беседы глаза за этими огромными очками увлажнились, уставились в стол и больше не встретились ни разу с глазами Тагира.

Рассудок Тагира прояснился, и он внимательно рассматривал предоставленные вещи усопших, уложенные в отдельные пакеты. Часто именно одежда или предметы, найденные на месте происшествия, помогали установить личность погибшего.

Тагир уже знал самое страшное. Но его уже ничего не пугало. Осталось найти своих родных. Осталось предать тела земле, согласно вековым обычаям.

Тагир бережно уложил найденный комнатный тапочек жены, лоскут халата, обрывки рубашки своего сыночка.

— Я могу это забрать?

— Да. Конечно, — ответил сильный голос. — Но вам предстоит ещё одно тяжёлое испытание, — голос прокашлялся, — вам нужно опознать останки...

— Я готов, — твёрдо произнес Тагир.

* * *

Уже на следующий день к вечеру на глаза Тагиру попались газеты. Он перевернул страницу первой попавшейся и прочитал: "...американскими солдатами уничтожен микроавтобус с номерными знаками <...>, не остановившийся у блокпоста пос. <...>, в котором находились мирные жители. Погибли девять человек... Все лица гражданские... Среди них один ребёнок и одна женщина..."

"Саид не виноват, он спешил в госпиталь с ранеными", — прошептал Тагир.

* * *

"Американскими солдатами расстреляна машина с журналистами телекомпании "Аль-Рабия" при невыясненных обстоятельствах. Погибли два журналиста телекомпании".

* * *

"В результате открытой американскими солдатами беспорядочной стрельбы из автоматического оружия погибли несколько мирных жителей".

* * *

“Убит журналист американским снайпером. Журналист стоял у окна гостиницы с фотоаппаратом в руках”.

* * *

“Американцы обстреляли из самолётов свадьбу в отдалённом ауле.... Погибли десятки мирных жителей, в том числе и невеста с женихом...”

* * *

“В городе Байджик погибла иракская семья. В результате случайно сброшенной американской авиабомбы дом полностью разрушен и погибли все находившиеся в доме, в том числе и трое детей. Американцы объясняют случившееся ошибкой...”

* * *

Тагир тяжело поднялся, бросил газеты на журнальный столик и направился к выходу.

— Ты куда на ночь собрался? — спросила тихо Айгуль.

— Я похоронил Ахметку и Фатиму. Мне теперь не по пути с солнцем. Луна и звёзды мои попутчики... А днём я их не найду.

— Кого? — не понял Амир.

— Тех, кто поможет мне найти убийц.

* * *

“В Ираке совершён очередной террористический акт, один из самых мощных за последнее время, в результате погибли одиннадцать американских пехотинцев, десять тяжело ранены... Сработало взрывное устройство на обочине дороги в момент прохождения колонны...”

И тут же американский пресс-секретарь: “Мы скорбим... они погибли не напрасно...”

ВЫСТРАДАННАЯ ПОБЕДА

РАССКАЗ

Дверь открылась внезапно. В проёме появились двое. Один — бритоголовый, отжимая могучей спиной толпу, остался в коридоре за громко захлопнувшейся дверью кабинета.

— Слушай, Склиф-а-а-совский, я от Ванькá. Он сказал, что ты всё можешь...

“Склифосовский”, молодой врач Алексей Максимович, смотрел на вошедшего без очереди мужчину средних лет. Дорогой костюм его сидел не-

брежно, пуговицы пиджака расстёгнуты, шикарный галстук, завязанный модным узлом, выделялся ярким, но безвкусным пятном. Туфли — последний писк моды — сегодня, а может быть, несколько дней не видевшие щётки, смотрели белёсыми бельмами. Небритое круглое лицо, пухлые влажные губы, залысины на коротко стриженной голове и толстая шея выдавали человека состоятельного, избалованного или, скорее, разбалованного.

— Я хотел с тобой тет-на-тет побазарить, — развязно, певуче “акая” на московский манер, продолжал пациент и кивнул в сторону медсестры. Фразы он бросал, как мелочь в шапку нищего. Громко чавкая, месил челюстями жевательную резинку, распространяя при этом запах ментола, замешанного на перегаре. Молчание врача придавало ему ещё большей уверенности. Мимолётная неловкость, смутившая его на мгновение перед дверью кабинета, испарилась, словно облачко сигаретного дыма в ветреную погоду. Он своими маленькими глазками в упор расстреливал медсестру, ещё молодую женщину с округлыми формами. Шагая по кабинету из угла в угол, как у себя дома, он то и дело обшаривал её взглядом с ног до головы.

Доктор смотрел на него через почти невидимые очки без оправы. Он стеснялся их носить. Ему казалось, что очки его портят, придавая его и так нежному лицу излишнюю интеллигентность и мягкость. Алексей Максимович молча рассматривал нежданного гостя, пытаясь понять, что ему нужно. Он намеренно молчал, изучая вошедшего таким экзотическим образом пациента. Шестое чувство подсказывало, что дело здесь нечисто.

Медсестра прошла к двери мимо гостя и, поравнявшись, посмотрела ему прямо в глаза, улыбнулась, ехидно хмыкнула, кивнув при этом головой.

— Тут такое дело: ружьишко заржавело. Уже неделю как... ну сам понимаешь, — продолжил гость, как только захлопнулась дверь за медсестрой. Небритым подбородком и скосившим глазом он стрельнул вниз к галстучной оконечности.

— Ну, снимай пиджачок и штанишки тоже, — знакомиться будем, — спокойным, но твёрдым и уверенным голосом произнёс наконец-то доктор, взял телефон, молча набрал номер.

— Пиджак на рога повесь, — грубовато, в тон гостю сказал Алексей Максимович, — и штанишки ниже... смелее...

— Алло! Иван? Кого ты мне прислал? Ну, лысый такой... толстый... наглый, как паровоз, с “ржавым ружьём”... Сейчас спрошу. Как твоя фамилия?

— Щищов, — уже скромнее сказал пациент, — Эдуард Семёнович.

— Он у тебя в кабинете? Ты что, при нём..? — хихикнул Иван.

— Какой привет, такой ответ... Главное, я должен быть уверен, что он действительно от тебя. А то я уже хотел... от ворот-поворот... Сделаю всё, что от меня зависит, — доктор слушал своего друга и смотрел на раздевающегося Эдуарда Семёновича. — Никуда записывать не буду. Я сказал... Ради тебя... Так это ты и есть Щищов? Наслышан, наслышан... Все газеты только и пишут... — обратился он уже к пациенту.

Алексей Максимович улыбнулся. Щищов стоял под оленьими рогами со спущенными брюками. Ветвистые рога, подаренные поликлинике на юбилей охотниками, словно росли из его лысеющей головы. Дорогой галстук дотягивался до курчавых зарослей, откуда сиротливо выглядывал предмет беспокойства Эдуарда Семеновича.

— А тебе они идут, — кивнул на рога доктор. — Неделю уже, говоришь, Эдуард Семенович, — голос доктора стал мягче, — рассказывайте...

Щищов сбивчиво, смущаясь, употребляя блатную лексику, коротко рассказал доктору о своей проблеме. Доктору теперь он говорил “вы”. История не отличалась оригинальностью: “братки”, “пойло”, “хата”, “шалавы”...

— Похоже, “залетели” вы, господин Щищов Эдуард Семёнович. Сделаем анализы и через часок, — доктор глянул на часы, — нет, через два, сразу после приёма — ко мне, — уже без иронии, сухо сказал доктор. — А с медсестрой вам надо познакомиться, ей придётся взять анализ...

Он позвал медсестру, попросив провести гостя в лабораторию.

Хотя Эдуард Семёнович почти наверняка знал, что “залетел”, и внутренне ко всему был готов, слова доктора его расстроили. Два часа пребывал он

в тоскливом настроении. Хотелось выпить, но предстоящая встреча с доктором не позволяла расслабиться. Доктор, не сказать, что понравился ему, но нарываться на его колкости не хотелось. Щищов, сидя в своём джипе, ощущал себя вселенской жертвой. На носу выборы, и он боялся огласки. Его портреты, расклеенные на всех столбах, несли людям его добрую и честную улыбку. Эдуард Семёнович даже поёжился, представив, как могут испоганить эти красивые картинки противники, узнав его тайну. А дойдёт до журнала... Щищов поежился.

“Доктор будет молчать. Доктора, во-первых, умеют хранить тайны больных, да и Ванёк, друг его — у меня на крючке, братва... вот они у меня где, — и кулак его сжался, — больше никто не знает...” — думалось кандидату в депутаты.

Вдруг его словно кипятком обдало. Холодный пот выступил крупными пятнами на его лысеющем лбу. “Татьяна, жена... Какой я идиот... позавчера... Зачем полез — ведь знал уже, что не всё в порядке. Доктору, доктору нужно сказать... А вдруг пронесёт?”. Он вспомнил Бога, как вспоминал всегда в трудную минуту. Мысленно просил помощи: “Гадом буду, — больше не буду”, — скаламбурилось в его туманном мозгу.

Время тянулось медленно, как густой мёд из бутылки... Эдуард Семёнович нервно курил сигарету за сигаретой и обсыпался холодным потом столько раз, сколько приходила на ум Татьяна.

— Выключи печку! — заорал он на бритоголового водителя, по совместительству исполняющего обязанности охранника.

Доктор встретил будущего депутата спокойно.

— К сожалению, нужно лечиться, — сказал он сухо, но, как показалось Эдуарду Семёновичу, с чувством сострадания, — хорошо ещё, что обошлось без “букета”.

Эдуард Семёнович почувствовал себя плохо. Он сел на стул и посмотрел в глаза Алексею Максимовичу:

— Алексей Максимович, я бы не хотел огласки, я заплачу, у меня выборы, я баллотируюсь, — залепетал он, понимая, что говорит не то. Он не знал, как сказать доктору про Татьяну.

— Насчёт огласки и оплаты не беспокойтесь. Я ничего не фиксирую, и уж поверьте: ваши избиратели ничего не узнают, а платы никакой я не возьму. Я вами занимаюсь потому, что Иван попросил... Иван! Понятно, господин Щищов? — грубовато сказал доктор. — Так что не суетитесь.

— Не то, я не то хотел сказать. Как быть с женой: я позавчера...

— Что-о-о-о?

— Что делать? Подскажите, как быть, — слёзно просил Щищов. — Может быть, она не заразилась, может, ничего... — На его глазах заблестели слёзы. — Это же скандал... У меня выборы... Боже, она не простит. Она моложе меня на двенадцать лет...

— Какого хрена от молодой да красивой налево бегать? — усмехнулся доктор. — Мне обследовать её нужно.

— Она недавно “скорую” вызывала — подозрение на аппендицит. Может, её обследовать заодно и на предмет... так сказать? Она и не догадается, — глаза у Эдуарда Семёновича загорелись, рот расплылся.

Доктору показалось, что это лицо он уже где-то видел. “Ну, чисто Иуда”, — подумал он, вспомнив картину знаменитого художника...

— А вы — интриган, господин Щищов! Вы, пожалуй, выиграете выборы.

С обеда повалил густой снег, и в кабинете стало темно. Алексей Максимович включил свет. Татьяна Сергеевна, а именно так звали жену Щищова, сидела напротив. Рука доктора на мгновение остановилась, он поднял глаза на Татьяну Сергеевну. Доктору стало не по себе: показалось, что она знает, зачем пишется направление хирургу, гинекологу. Его слабо успокаивало только то, что Татьяне Сергеевне действительно необходимо обследоваться и лечиться, — её давно беспокоят непонятные приступы. Татьяна Сергеевна отвела глаза, повернула голову в сторону окна. Она задумчиво смотрела на снег, кружившийся по ту сторону прозрачного стекла. Крупные снежинки в круговерти исполняли свой снежный танец, запутывая мысли...

— Ваша супруга здорова, — сказал доктор Эдуарду Семеновичу, — Я имею в виду вашу болезнь. Ну а холецистит подлечим.

— Ну и слава Богу! — приободрился кандидат в депутаты. — Мне сейчас скандал не нужен. На носу выборы.

“Выборы у него. Кретин”, — подумал доктор.

Кандидат в депутаты сидел, небрежно откинувшись на спинку стула. Одетый в новый шикарный костюм с иголки, он излучал благополучие и достоинство. Лицо его, до синевы выбритое, лоснилось и, казалось, вот-вот лопнет. Галстук, подобранный в тон костюму, сидел, как литой. Из-под штангин выставлялись ослепительно белые носки, прячась в зеркальных туфлях. По всему было видно, что над Эдуардом Семёновичем поработали немалые деньги... Именно такой: до неприличности приличный, смотрел он из газет, листовок, из многочисленных красочных плакатов на своих избирателей.

“Неужели люди проголосуют за него? — задавал себе вопрос доктор. — А ведь проголосуют”.

...Алексей Максимович не любил оттепелей. Они обычно сопровождаются “повышением уровня простудных заболеваний”. Сегодня день не был исключением. Он устало откинулся на сиденье своей “шестёрки”. Машина завелась с полуборотом. Пока прогревался двигатель, доктор закрыл глаза. Почему-то вспомнил Ивана, укоряя себя, что не удосужился заехать к нему, поговорить о делах насущных.

Выруливая из больничных ворот, Алексей Максимович увидел знакомую долговязую фигуру своего друга: лёгок на помине. Он притормозил. Рядом с ним стояла Татьяна Сергеевна в лёгком пальтишке. Иван, обняв её плечи, укрывал от ветра. Она чем-то напоминала девочку-студентку, ожидающую своей участи перед экзаменом. Он же, большой и нескладный, походил на крепость...

— Садитесь, подвезу, — доктор открыл дверку.

Иван, увидев друга, шагнул в сторону машины, увлекая Татьяну Сергеевну, но она остановилась.

— Привет, Лёша! — крикнул Иван. — Пойдём, Танюша! — повернувшись к Татьяне Сергеевне, сказал он. — Это же Алексей.

— Я вижу. Здравствуйте, Алексей Максимович! — она застыла в нерешительности.

— Садитесь. Здесь мне долго стоять нельзя — автобусная остановка, — сказал Алексей Максимович.

— Мне, право, неудобно... — Татьяна Сергеевна выглядывала из-за плеча Ивана.

По дороге Татьяна Сергеевна, словно в своё оправдание, что-то сбивчиво рассказывала. Доктор смотрел то на неё, то на Ивана, и только обрывки фраз застревали острыми осколками: “ушла от Щипцова”, “не знаю, что делать...”. Иван успокаивал её. “Всё уже позади”.

Алексей Максимович узнал много нового: Ивану грозили большие неприятности за срыв какой-то сделки — подпись под договором оказалась его, конечно же, с подачи Щипцова.

— Теперь уже не жалею, — Иван посмотрел на Татьяну Сергеевну. — Куда мы едем? — вдруг спросил он.

— А давайте ко мне! — решительно выпалил Алексей Максимович.

— Ну, принимается предложение? — Иван повернулся к Татьяне Сергеевне.

— Принимается, — Она смахнула слезу.

Двухкомнатная квартира доктора встретила гостей холостяцким уютом, граничащим с аскетичностью: порядок на книжных полках, строго расставлена скромная мебель, дежурный букет из сухих колосьев полевых цветков и откормленный ленивый кот, скатившийся с любимого кресла. Кот потянулся и, важно выпшагивая, подошёл к Татьяне Сергеевне. Он ткнулся в её ногу, потом, извернувшись, прижался ухом, погладили спиной, задев её хвостом, и важно направился в кухню.

Иван по-хозяйски вместе с доктором уже что-то мудрили у кухонного стола.

— Татьяна Сергеевна, — Алексей посмотрел на неё. — Я тебе... вам...

— Тебе, — мягко поправила его она.

— ...Тебе должен что-то сказать, я виноват перед тобой, — он опустил глаза.

— Не надо, я всё знаю. Я случайно подслушала разговор Щицова со своим приятелем. Тот лечился у другого доктора.

— Извини, я себя чувствую последним идиотом и мерзавцем...

— Не кори себя. Я ведь сама была заинтересована в обследовании. Я знала всё с самого начала! И как он Ивана подставил, тоже мне известно... Спаситель... Сам подставил, сам и спасать бросился... Ты лучше прочитай вот это. — И она подала Алексею Максимовичу газету.

Из газеты на доктора смотрел его бывший пациент, уже депутат местной думы, одаривая всех елейно-приторной улыбкой. Глаза его смотрели прямо, не выражая ничего. Здесь же на всю полосу следовало его интервью под заголовком: “Выстраданная победа”. “...Работа, работа, работа... С утра до ночи, и так каждый день... Организм начал давать сбои. Пришлось обращаться к врачам... Жена не выдержала, ушла... Но я не падаю духом и постараюсь оправдать доверие...”.

Доктор ещё долго смотрел на газету, затем вышел в комнату, подошёл к телефону и включил автоответчик: “Привет, Склиф-а-совский! Благодарю, что вернул здоровье: стране нужны здоровые депутаты. Ванёк тебе тоже благодарен. Вытянул ты его из очень нехорошей истории. Я знаю, что он неровно дышит в сторону Танюхи. Передай, пусть не берёт в голову — я не в обиде...”

Алексей Максимович сделал шаг в сторону, чтоб видеть Татьяну Сергеевну из-за приоткрытой двери, и только убедившись, что она ничего не слышала, громко и весело спросил:

— Что пить будем, господа?